

МОЖНО ЛИ ЕЩЕ СПАСТИ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ И ОБРАЗОВАНИЕ?

Ханин Гирш Ицкович,

доктор экономических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник Сибирского института управления

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ (СИУ РАНХиГС),

Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

AuthorID (РИНЦ): 143335

SPIN-код (РИНЦ): 6196-5996

khaning@yandex.ru

Аннотация

В статье показываются причины и последствия плачевного состояния российской экономической науки и высшего экономического образования. Они коренятся, прежде всего, в преследованиях, которым экономическая наука подверглась в советское время, особенно в сталинский период. В результате она лишилась самых талантливых ученых. В командной экономике не было нужды в хороших экономистах, поэтому высшее экономическое образование имело низкий престиж. В постсоветский период в связи с переходом к рыночной экономике выросла потребность в экономистах для работы в государственных учреждениях и коммерческих структурах. Однако оказалась, что сложившаяся система высшего экономического образования не способна ее удовлетворить. Показываются негативные последствия низкого уровня экономического образования для решения общегосударственных экономических проблем и управления компаниями. Низкий уровень экономической науки не позволил экономистам обосновать эффективный переход к рыночной экономике с учетом особенностей советской экономики и российской истории. В постсоветский период политическое руководство ориентировалось лишь на лояльных к власти экономистов без учета их профессионализма.

Предлагаются пути улучшения качества экономической науки и высшего экономического образования. Упор делается на резкое сокращение числа научных работников и преподавательского состава (и сокращение числа студентов) с одновременным значительным увеличением оплаты труда научных работников и преподавателей на основе объективных критериев оценки их деятельности. Это позволит демократизировать управление вузами и научными учреждениями, отменить бюрократический контроль за их деятельностью.

Ключевые слова: советская экономическая наука, советское экономическое высшее образование, российская экономическая наука, российское экономическое высшее образование, методы оценки деятельности научных работников.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. Можно ли еще спасти российскую экономическую науку и образование? // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 131–148. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-131-148.

Советский период

В командной экономике СССР роль экономической науки была трехстепенной. Экономисты играли техническую роль в реализации установок, определенных в натуральном выражении вышестоящими организациями (а не потребителем). Цены и деньги, в сущности, были лишь инструментами в оформлении и реализации этих натуральных отношений внутри страны (они работали в экономических отношениях с капиталистическими странами, которые сознательно ограничивались). К тому же советским властям были не нужны честные и объективные экономические исследования, поскольку они могли поставить под сомнение успехи их экономической политики и официальной идеологии. Следует также иметь в виду, что и в дореволюционное время российская экономическая наука отставала от естественных наук. Достаточно сказать, что в классической «Истории экономической мысли» Б. Селигмена [5] среди классиков экономической мысли нет российских ученых. Хотя в мировой экономической литературе признавались исследования М.И. Туган-Барановского и Н.К. Кондратьева по экономическим циклам, В.С. Новожилова – по инфляции, Г.А. Фельдмана – по теории экономического роста, Бориса Бруцкуса – по критике командной экономики. Незамеченными остались работы Я.П. Герчука по альтернативным оценкам динамики промышленной продукции в СССР второй половины 1920-х гг. и ряда советских экономистов 1930-х гг. по оценке стоимости основных фондов, на много лет опередившие оценки западных советологов. Единственный советский лауреат Нобелевской премии по экономике Л. Канторович по основной специальности был математиком.

Подчиненному месту экономической науки и практики в жизни социалистического общества соответствовало отношение к ним населения и руководства страны. Конкурсы в экономические вузы были несравненно меньше, чем по естественно-научным и техническим специальностям. Среди абитуриентов преобладали девушки. В руководстве страны и хозяйственных отраслевых структурах, предприятий почти не было экономистов. Отсюда и трехстепенное место экономической науки. Наиболее сильные

экономисты в 30-е гг. были уничтожены, выжили единицы [8, с. 147, 148]. Туган-Барановский бежал на Украину, Борис Бруцкус выслан за границу на философском пароходе, Кондратьев расстрелян, Герчук и Фельдман арестованы, Новожилов ушел в конкретную экономику.

Идеологический гнет и цензура не позволяли появиться глубоким экономическим произведениям. Исключения касались работ по отдельным институтам капиталистической экономики (например, А.А. Анникина о кредитной системе капитализма, С.М. Борисова о роли золота в экономике капитализма) и частным вопросам советской экономики (С.А. Хейнман об организации промышленного производства, Я.Б. Кваща о структуре экономики). Пробриться работам, подвергающимся сомнению устоявшийся хозяйственный механизм, было невозможно. Достаточно сравнить англоязычные журналы (в которых печатались лучшие работы) Польши, Венгрии, Чехословакии 60–80-х гг. с ведущими советскими экономическими журналами того периода, чтобы было очевидным огромное отставание. Советская экономическая наука отставала от восточно-европейских стран, даже от Китая, еще недавно пережившего ужасы «культурной революции», благодаря чудом сохранившимся остаткам старой экономической школы и молодому поколению экономистов, учившихся у них или, после прихода к руководству Дэн Сяопина, в лучших западных вузах [6, с. 139].

Поскольку лучшие экономисты в СССР были в академической науке, подготовку молодых экономистов в вузах вели более слабые. К тому же в 60–80-х гг. ушли из жизни лучшие старые профессора, их место заняли беспринципные и малообразованные. Отсюда слабая специальная подготовка молодого поколения экономистов, восполняемая только самообразованием немногих наиболее любознательных. Тем более заслуживают восхищения немногие экономисты, продолжавшие, несмотря на огромный риск, честно работать. Отмечу Б.Н. Михалевского из ЦЭМИ АН СССР и С.М. Никитина из МЭИМО, пересчитавших советские макроэкономические оценки. Замечу, что доклад Михалевского был уничтожен по приказу председателя Госплана СССР Байбакова, а С.М. Никитину запретили заниматься этими исследованиями.

Надо ли удивляться, что при переходе к рыночной экономике советское руководство столкнулось с острой нехваткой квалифицированных экономистов на всех уровнях хозяйствования. Прежде всего, конечно, на высшем при разработке экономических программ и принятии оперативных решений. Единственные знатоки рыночной экономики были сосредоточены в экономических НИИ мирохозяйственного профиля, но они очень слабо представляли реалии отечественной экономики. Советское руководство оказалось жертвой многолетних гонений

на экономическую науку. Привлекаемые им в качестве советников академики-экономисты не могли предложить оригинальных и квалифицированных решений, к нетитулованным (Борис Найшуль, Григорий Явлинский, Лариса Пияшева, Наталья Анулова) не прислушивались. Единственным исключением был член-корреспондент АН СССР Ю.В. Яременко. Надо ли удивляться огромным неудачам рыночных реформ в СССР? Хотя были, конечно, и другие причины, в том числе и привлечение иностранных экономистов, раз свои оказались несостоятельными. К сожалению, и они в подавляющем большинстве плохо знали реалии советской экономики.

Постсоветский период

С переходом к рыночной экономике понимание огромного значения экономической науки и экономического образования стало почти всеобщим. Первыми это, как часто бывает, почувствовали поэты. Напомню о популярнейшей в начале 90-х гг. песне «Бухгалтер, милый мой бухгалтер» (слова Алены Апиной).

Неожиданно экономисты наряду с юристами стали наиболее популярными специальностями. Появились сотни тысяч новых предприятий, возрос спрос на эти специальности и в старых. Спрос рождает предложение. Число принятых в государственные вузы по специальностям «Экономика» и «Право» (публикуемая статистика отдельно экономистов не выделяет) с 1990 по 2000 г. выросло с 39,6 тыс. человек до 151,3 тыс., или почти в 4 раза, при общем росте немногим более чем в 2 раза [3, с. 235]. И к этому числу надо добавить студентов частных вузов, которых вообще не было в СССР и которые в значительной степени готовили именно экономистов и юристов как наиболее востребованных.

К сожалению, публикуемая статистика не дает данных о приеме в частные вузы, только по выпуску. По этой причине и с учетом отсева лучше брать выпуск специалистов. За этот период он вырос в государственных вузах по гуманитарно-социальным специальностям и экономике и управлению с 114,3 тыс. человек до 356,3 тыс., или в более чем в 3 раза, при общем росте менее чем в 2 раза. По частным учебным заведениям в 2002 г. он составил по обеим специальностям 58,3 тыс. человек [3, с. 236]. Таким образом, по обоим типам вузов выпуск экономистов вырос почти в 4 раза. И этот колоссальный приток должны были обучить преимущественно слабые преподаватели прежних государственных вузов. При этом в значительной степени по малознакомым им методам хозяйствования в рыночной экономике.

Чтобы удовлетворить спрос преподавателей и студентов на научную и учебную литературу, старые и многочисленные новые (рынок заработал!)

издательства стали лихорадочно переводить западную экономическую научную и учебную литературу (квалифицированных переводчиков и редакторов для ее перевода было совершенно недостаточно!). Так или иначе, за несколько лет спрос на иностранную литературу был удовлетворен. Но ее надо было еще освоить.

Нехватка преподавателей по необходимости возмещалась большей нагрузкой имеющихся, благо их оплата в государственных вузах из-за огромного сокращения бюджетных ассигнований на высшее образование стала с начала 90-х гг. крайне низкой. Поэтому они вынуждены были работать часто в трех-четыре местах и по нескольким дисциплинам, при этом преподавать иначе экономическую теорию и конкретные дисциплины вроде финансов предприятий, банковского дела или маркетинга, о которых раньше понятия не имели. В преподаватели экономических дисциплин нередко срочно переквалифицировались преподаватели других дисциплин. С другой стороны, наиболее молодые и энергичные специалисты ушли в том или ином качестве в предпринимательство, где можно было заработать в десятки раз больше. Понятно, что и без того плохое преподавание в экономических вузах стало еще хуже.

Еще хуже готовили аспирантов – будущих научных работников и преподавателей. Интерес молодежи к аспирантуре резко снизился из-за падения престижа научной и преподавательской деятельности. У аспирантов была униженно низкая оплата, поэтому им приходилось искать другую работу, которая оставляла мало места для занятий. Остро не хватало квалифицированных научных руководителей. Неудивительно, что с защитой диссертации заканчивали аспирантуру только 10 % аспирантов. Да и диссертации в подавляющем большинстве оказывались, естественно, очень слабыми. Так происходило дальнейшее ухудшение преподавательского корпуса.

Другая беда состояла в том, что российский вариант рыночной экономики очень сильно отличался от западного. Но в появившихся российских учебниках никто не объяснял, как хозяйствовать в этой модели. Так, почти все стоимостные показатели российской экономики на всех уровнях очень сильно искажены. Это не позволяет их использовать в макроэкономическом анализе, экономической истории, статистике, анализе деятельности компаний. Но российские учебники об этом молчат.

Резко ухудшилась, даже по сравнению с советским уровнем, нравственная атмосфера в высшей школе. Пышным цветом расцвели коррупция и мошенничество: взятки со студентов, аспирантов, соискателей ученых степеней, расхищение бюджетных ассигнований. Множество чиновников для престижа принялись на коррупционной основе защищать диссертации.

Проводимые «Диссернетом» исследования выявили многочисленные случаи плагиата в диссертациях по экономическим дисциплинам, в том числе у многих членов Президиума ВАК и членов экспертных комиссий ВАК по экономике. А ведь плагиат – просто наиболее очевидный признак халтуры. Более распространенными были слабые диссертации, не содержащие ничего нового.

К сказанному можно добавить чудовищно разросшийся чиновничий аппарат, который поглощает значительную долю бюджетных ассигнований на образование. Пример показывают руководители вузов, чьи оклады превышают оклады рядовых преподавателей в десятки раз. Этот аппарат, чтобы продемонстрировать свою полезность, еще и загружает преподавателей ненужными требованиями, отнимая время от учебной работы и повышения квалификации. Из-за слабого профессионального уровня большинства преподавателей и унаследованной от прошлого инерции покорности не сработала принесенная перестройкой демократизация жизни вузов. Преподавательский корпус, за редкими исключениями, оказался не в состоянии противостоять произволу администрации вузов.

Не всё было плохо: преподаватели и студенты избавились от идеологического и административного контроля парткомов и КГБ, намного расширились возможности ознакомления с зарубежной литературой. Появилась возможность обучения в западных вузах, ознакомления с их опытом работы. В связи с ростом популярности экономики в экономические вузы и факультеты пошли сильные школьники, которые раньше туда не шли, Некоторые сильные научные работники начали по совместительству преподавать в вузах. Но эти плюсы не могли компенсировать перечисленные минусы.

Все особенности развития высшего образования в РФ отражались и на результатах деятельности экономических вузов. С 90-х гг. стало возможным количественно определить место российских вузов в мире благодаря появлению международных рейтингов вузов. При всех неизбежных неточностях они отражали действительность. И здесь выявилось униженно низкое место даже лучших российских вузов. Беру самый уважаемый в мире рейтинг ТНЕ за 2018 г.: среди 100 самых авторитетных вузов мира нет ни одного российского [4, с. 115–118]. В самом последнем рейтинге ТНЕ МГУ занял 174-е место [4, с. 121]. Помимо общих рейтингов выделяются рейтинги по отдельным дисциплинам. В тех рейтингах, которые я видел, экономические специальности намного отстают от естественно-научных. Косвенным показателем низкого престижа экономического образования в РФ является малая доля иностранных студентов в числе обучающихся. Причем речь идет о студентах преимущественно из стран СНГ

и развивающихся стран, привлеченных более низкой платой за обучение и проживание.

Светлым пятном в постсоветском российском высшем образовании стало появление нескольких высококачественных экономических вузов, созданных буквально с нуля. Это позволяло избавиться от плохого наследия прежней вузовской системы при формировании кадрового состава и организации учебной и научной работы. Первым из таких вузов оказалась Высшая школа экономики. В 2018 г. она выдвинулась на 4-е место среди российских вузов по рейтингу ТНЕ, в рейтинге 2021 г. заняла 3-е место (в группе 251–300) [4, с. 121]. Для молодого вуза это следует считать огромным успехом. Конечно, этому успеху содействовали сверхблагоприятные финансовые условия, созданные российским правительством. Они вызвали недовольство в вузовском сообществе за их чрезмерность. Но при том, что преподавателями вуза стали многие высококвалифицированные профессора и уровень научных исследований в ВШЭ оказался намного выше среднего по российским вузам, о выдающихся научных достижениях пока говорить нельзя. И ВШЭ не могла коренным образом изменить общую неудовлетворительную картину состояния высшего экономического образования в России, поскольку ее доля в общем числе студентов недостаточна, чтобы создать конкурентную среду. Не создала эту среду и конкуренция иностранных вузов, поскольку число поступающих в них из России невелико.

Ухудшилось в постсоветский период и положение в экономической науке. Правда, она, к счастью, избавилась от идеологического диктата. Расширилась возможность публикаций в связи с появлением новых издательств и журналов, конкуренцией между ними. Намного расширились возможности контактов с зарубежными учеными. Но ухудшились другие составляющие ее развития. Научная работа по сравнению с советским периодом стала намного менее привлекательной в материальном отношении. Зарплата ученых оказалась намного ниже средней по стране. Это привело к оттоку квалифицированных кадров, уходу их в разнообразную практическую деятельность (предпринимательство, консультационная работа в органах власти в центре и на местах), к отъезду за границу. Главное – почти прекратился приток талантливой молодежи.

Демократические преобразования почти не затронули науку. Ее центральным звеном была оставшаяся от СССР Российская академия наук. Задавленные огромной преподавательской нагрузкой вузовские преподаватели не могли стать центральными фигурами в научном процессе. Мало помогло и появление научных фондов для финансирования научных исследований. После прекращения деятельности Фонда Сороса, отличавшегося добросовестностью при оценке качества научных работ,

их оценка стала производиться российскими научными фондами, сохранившими многие порочные черты советской системы оценивания.

РАН РФ унаследовала многие худшие традиции АН СССР, особенно в гуманитарных и экономических науках. Начиная с 50-х гг. в академики по экономическим наукам стали выбирать, исходя из должностного положения кандидатов, как правило, директоров экономических академических и отраслевых институтов, которых, в свою очередь, выдвигали по соображениям лояльности и управляемости. Наиболее одиозной фигурой среди них был директор Центрального экономико-математического института Н.П. Федоренко, который, по воспоминаниям его сотрудников, не написал самостоятельно ни одной работы. В постсоветский период удалось добиться, что в академики-экономисты попало два-три рядовых работника с хорошей академической репутацией, но преобладали всё же начальники.

В связи с огромным сокращением ассигнований на науку зарплата рядовых сотрудников академических институтов оказалась намного ниже средней по России. Поэтому начался, как и в вузах, исход научных сотрудников в другие сферы деятельности и за границу. В результате значительно ослаб профессиональный состав академических экономических институтов. В них плодотворно работает не более 10–15 % научных сотрудников, многие годами вообще ничего не публикуют.

Бывшие научные сотрудники широко привлекались к деятельности экономического блока правительства РФ в качестве отвечающих за экономический блок (Гайдар, Чубайс, Шохин, Федоров, Белоусов), министров этого блока и помощников Президентов РФ по экономическим вопросам. Новым, по сравнению с советским периодом, было привлечение к выработке экономической политики иностранных экономистов, обладающих большими знаниями в рыночной экономике. Однако деятельность в составе российского руководства и обслуживающих его научных подразделений принесла российским экономистам мало лавров, как, впрочем, и иностранным советникам, о чем говорят неудовлетворительные экономические итоги всего постсоветского периода. Конечно, не всё здесь сводилось к деятельности ученых и экономического блока правительства, но обоснованных предложений по проведению реформ со стороны как сторонников правящего режима, так и его оппонентов практически не было.

Пожалуй, наиболее очевидным примером слабости экономической науки в современной России стала ее неспособность предсказать экономический кризис 2008 г. при достаточно очевидном и даже неизбежном его приближении. Вообще прогнозирование является, по моему мнению, наиболее точным критерием качества экономической науки, поскольку требу-

ет комплексной оценки всех аспектов экономической жизни и объективной информации. Здесь просчеты российских экономистов были особенно велики в силу того, что почти все они опирались на макроэкономические данные Росстата РФ, которые оказались ничуть не достовернее данных ЦСУ СССР. А в некоторых очень важных для экономического анализа и прогнозирования вопросах (объем и динамика основных фондов) и намного хуже. Но получение альтернативных макроэкономических оценок требовало большого и изобретательного труда, на что у подавляющего числа наших экономистов не хватило усердия и таланта. Исключения единичны.

Даже в оценке собственной экономической истории российские экономисты далеко отстают от западных. Достаточно сравнить работы российских экономистов о советской экономике 30-х гг. с 7-томным трудом английского экономиста Ричарда Дэвиса – они просто в разных весовых категориях.

Среди лауреатов Нобелевских премий по экономике (при всей ее меньшей авторитетности по сравнению с Нобелевскими премиями по естественным наукам) наших экономистов тоже нет. Трудно назвать за последние 30 лет работы российских экономистов, которые имели бы международный резонанс. Среди них было немало качественных, но, увы, нет прорывных. Чаще всего они следовали за западными экономистами.

Всё же благодаря отсутствию цензуры в постсоветский период появились и талантливые работы, впрочем, не замеченные широкой экономической общественностью в России и за рубежом. Конечно, не все мне известны. Поток экономической литературы велик, и не представляется возможным его обозреть без квалифицированной литературной критики, которая, в отличие от западных стран, у нас отсутствует. Из известных мне недооцененных работ отмечу вышедшую в 1999 г. выдающуюся, на мой взгляд, работу молодого (24 года!) экономиста Дмитрия Голубкова, посвященную практике приватизации в России [1], и анализ новосибирским экономистом Д.А. Фоминым воспроизводства основных фондов в постсоветской России на основе реальной экономической информации [7].

Российское государство в отношении к экономической науке и высшему образованию проявило безразличие, некомпетентность и бездеятельность. Это определялось пороками организации и кадровым составом всех ветвей власти [9]. Власти просто не нужна была качественная экономическая наука. Она ставила себе на службу покорных научных работников, готовых за хорошую плату сочинить любые нужные власти экономические проекты.

Безразличие власти к экономической науке начинается с ее безразличия к деятельности Росстата. А ведь именно на основе его данных анализируется состояние всей экономики, экономики отраслей и регионов. При всех очевидных его ошибках и провалах никакого анализа его деятельности не проводится и организационных выводов не делается. На основе ошибочных данных Росстата составляются бесчисленные программы развития всей экономики, отраслей и регионов. В них содержатся оптимистические оценки перспектив. Из того, что они систематически проваливаются, никаких выводов не делается – те же авторы делают новые программы с теми же результатами.

Власть справедливо упрекают в малых ассигнованиях на науку. Но гораздо больше она заслуживает критики за безразличие к организации науки. Никакой озабоченности состоянием высшего экономического образования также не проявляется. Так обеспечивается воспроизводство посредственных экономистов. Только в редчайших случаях при финансировании экономических вузов принимается во внимание качество образования и научных исследований. Таким исключением является вызывающее многочисленными нарекания льготное финансирование Высшей школы экономики. Но после смещения с поста ректора ВШЭ Я.И. Кузьмина появляется опасность приведения этого вуза к среднероссийской норме во всех отношениях.

Нелегко говорить о состоянии экономической работы в компаниях ввиду их закрытости. Допускаю, что в компаниях, находящихся под контролем иностранного капитала, она выше. Но в российских компаниях, как мне удалось установить, ее уровень также невысок. Мною был произведен пересчет результатов финансовой деятельности нескольких крупнейших нефтегазовых компаний на основе реальных показателей объема основных и оборотных фондов [10, 11]. Он показал, что реальные показатели их финансовой деятельности отличаются от отчетных не только по величине, но даже по знаку! Другой пример из банковской сферы: предприниматели и физические лица возмущаются высокими ставками кредитов. Но ведь в них заложен огромный, тщательно скрываемый невозврат кредитов (по данным осведомленных лиц, он доходит до 40 %). За каждым невозвратом стоят ошибки экономистов при принятии решения о предоставлении кредита. Хотя были, конечно, и другие причины, например, предоставление кредитов за взятки или аффилированным структурам.

Что делать?

Многие научные работники и преподаватели экономических вузов считают, что положение настолько ужасно, что уже ничего сделать нель-

зя. И у меня, признаюсь, были такие мысли. И всё же рискну предложить выход из, казалось, безнадежного положения. Искать выход необходимо, ведь от него зависит будущее страны, ее национальная безопасность. Могут сказать, что хорошие научные работники и преподаватели, несмотря ни на что, имеют возможность работать, публиковаться, преподавать. Да, но работают они далеко не в полную силу и не в полную силу имеют возможность реализовать свой потенциал. Очень часто малоквалифицированные научные работники и преподаватели стоят стеной против талантливых ученых и преподавателей из зависти и боязни конкуренции.

При сложившемся преобладании посредственных ученых и преподавателей бессмысленно рассчитывать на их самодеятельность в оздоровлении экономической науки и высшего образования. Большинству из них сегодняшнее положение как раз выгодно, позволяет продолжать бездельничать и халтурить.

Рассчитывать приходится только на государство. Оно, в конце концов, должно понять, что это нужно в его собственных интересах. На этот случай и пишу. Но здесь нужны необычные решения, как необычна и ситуация.

Начать, как мне кажется, придется с вопроса о числе студентов. Ведь именно огромное число студентов не только позволяет, но и просто вынуждает иметь большое количество преподавателей, пусть часто и плохих. Это стало помехой даже в сохранении прежнего качества образования уже в 60–80-х гг. XX века. Погоня за числом студентов как признак развитого государства толкала на раздувание их количества в ущерб качеству. То обстоятельство, что по этому же порочному пути шли и в западных странах, не оправдание. Этот недостаток советской высшей школы был намного превзойден российской школой при намного худших финансовых условиях. Скудные финансовые ресурсы (за редкими исключениями типа ВШЭ) расплылись по множеству государственных вузов.

Сократить число студентов надо в 4-5 раз. Называю эту величину, ориентируясь не только на приведенные данные о росте приема в экономические вузы в постсоветский период, но и на многолетний преподавательский опыт в Новосибирске. Даже в лучших вузах хорошо успевало не больше четверти студентов. Разумеется, это сокращение должно произойти не сразу. Уже поступившим студентам надо дать возможность закончить обучение. Речь идет о сокращении набора (в том числе и платного), что за 4-5 лет приведет и к общему сокращению.

В таком случае даже нынешний объем ассигнований на высшую школу приведет к увеличению финансирования на одного студента в те же 4-5 раз. Станет возможным значительно увеличить стипендии студентам

и аспирантам, приобретение учебной и научной литературы, отечественной и иностранной периодики. Сокращение преподавательского состава окажется меньше за счет значительного уменьшения нынешней чудовищной преподавательской нагрузки, высвободив время преподавателям для самообразования и научной работы. Если же (что необходимо) вырастет и общее финансирование высшего образования, то указанные возможности вырастут еще больше.

Однако еще важнее вопрос распределения государственных ассигнований между вузами. Уже сейчас государство обоснованно отказалось от уравнительного принципа в пользу привилегированного финансирования лучших вузов. Это касается 20 вузов, претендующих на попадание в первую сотню мирового рейтинга. Вопрос в принципах такого дифференцированного финансирования, которые сейчас достаточно субъективны, что дает возможности для произвола. Мне представляется, что в основу должны быть положены количественные критерии. Я не вижу лучшего критерия, чем уровень коэффициента Хирша на одного преподавателя. Он, безусловно, не лишен недостатка, но лучшего просто нет. Установление такого критерия подтолкнет администрацию вузов к комплектованию преподавательского состава более квалифицированными преподавателями. По этому же критерию должен устанавливаться и уровень оплаты труда преподавателей, по крайней мере профессоров и доцентов.

Произойдет, конечно, значительное сокращение числа вузов и преподавателей. Это болезненный процесс, как и всякая хирургическая операция, но неизбежный. Затянувшийся на 90 лет процесс деградации высшего экономического образования терапией не остановить. С этой хирургией запоздали на много десятилетий. Многие вузы давно уже являются таковыми только по названию, а по уровню преподавания и научной работы это просто техникумы. Лучшие преподаватели закрытых вузов перейдут в оставшиеся.

Обновление преподавательского состава создаст условия для демократизации жизни вузов. Имеющие чувство собственного достоинства профессионалы способны осознанно выбрать в качестве ректора достойного человека.

Особый вопрос – частные вузы. Не обремененные имеющимся персоналом и плохими традициями, они позволяют организовать учебный и научный процесс с нуля. Так возникли многие вузы на Западе и в Японии. Условием их возникновения была заинтересованность частного капитала в высоком качестве специалистов и престиже вуза. Частные вузы довольно активно развивались в 90-е гг. и в России. Здесь было немало злоупотреблений, но мой опыт работы в одном из частных вузов пока-

зывает, что не больше, чем в государственных. Главным препятствием для развития частного образования является слабость частного капитала в России. Возможно, это преходящее явление, и частное высшее образование еще возродится.

Только из-за недостатка места я ничего не сказал о школе. В вузы из-за недостатков школьного образования приходит малообразованная и малокультурная молодежь. Ничего другого и нельзя ожидать от нищих школьных учителей.

Очевидно, что должна измениться роль Министерства высшего образования. Не уверен, нужно ли оно вообще. Во многих развитых странах его нет, и вузы там процветают, сами решают те задачи, которые сейчас решает в России это министерство. Во всяком случае, его задачи должны быть резко сужены. Лицензирование и аккредитация становятся излишними, средний коэффициент Хирша по вузу вполне его характеризует. Нет необходимости в многочисленных проверках. Остается только представительство интересов всего вузовского сообщества перед государством, но и его способна осуществить ассоциация вузов. Но если министерство и сохранится, то требуется резкое уменьшение количества работников в связи с уменьшением функций и столь же резкое улучшение их качества при намного большей оплате работников.

В реорганизованной вузовской системе наука вполне способна переместиться в вузы: у профессоров будет достаточно времени для занятия научной работой. Но и оставшиеся академические институты должны резко сократиться в числе и численности научного персонала. Совершенно бесплодные закроются, оставшиеся сократятся. Если качественную научную работу фактически ведет 10–15 % научных сотрудников, то их и следует оставить, руководствуясь тем же Хиршем. Посещая многие научные экономические центры по изучению экономики СССР и России в Швеции, США, Великобритании, Японии, я нигде не видел более 6–8 научных сотрудников. Учитывая большее разнообразие направлений деятельности российских экономических институтов, возможно, придется оставить 15–20 научных сотрудников, т. е. те же 10–15 % нынешнего состава. Сокращение числа НИИ и их размера позволит даже при нынешнем объеме финансирования поднять оклады в несколько раз, а для наиболее результативных – в 10–15 раз, на уровне американских и западноевропейских научных сотрудников.

Повышение оплаты труда в вузах и академических научных учреждениях приведет, возможно (здесь нужны еще и политические предпосылки), к возврату ряда научных сотрудников, покинувших страну из-за униженно низкой оплаты труда и опасений политических преследований.

Особый вопрос о судьбе Российской академии наук. Я не готов судить, нужна ли она вообще. Но совершенно очевидно, что в ее же интересах обновление состава академиков и членов-корреспондентов по обычным критериям оценки их результативности. Иначе говоря, весь процесс должен начаться заново. После этого может возобновиться и традиционный процесс выборов.

Конечно, преподавателям вузов и научным работникам, увольняемым при предполагаемой реорганизации экономической науки и высшей школы, особенно более старших возрастов, такое действие покажется негуманным. Хотел бы отметить, что они будут иметь возможность уйти в техникумы, в школы для преподавания финансовой грамотности, на практическую деятельность по специальности, наконец, переквалифицироваться. Ни одно общество, как и предприятие, не может себе позволить содержать плохих работников.

Возможно, мой анализ и рекомендации имеют недостатки. Но для этого и нужна научная дискуссия, чтобы их выявить. Как и предложить лучшие рекомендации. В споре рождается истина*.

Литература

1. *Голубков Д.Ю.* Особенности корпоративного управления в России: инвестиционный кризис и практика оффшорных операций. – М.: Альпина, 1999. – 263 с.
2. *Корнаи Я.* Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии. – М.: Логос, 2008. – 446 с.
3. Российский статистический ежегодник, 2003. – М.: Госкомстат России, 2003. – 705 с.
4. Россия в зеркале международных рейтингов: информационно-справочное издание / отв. ред. В.И. Суслов. – Новосибирск: Параллель, 2019. – 171 с.
5. *Селлигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968. – 602 с.
6. *Сорок Дж.* Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991. – 220 с.
7. *Фомин Д.* Воспроизводство основного капитала в постсоветский период // Экономист. – 2016. – № 6. – С. 35–40.
8. *Ханин Г.П.* На чем спотыкается? Почему пробуксовывает советская наука? // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. – М.: Прогресс, 1989. – С. 140–168.
9. *Ханин Г.П.* Институциональные условия развития российской экономики в 1999–2016 годы // Journal of Institutional Studies. – 2018. – Т. 10, № 1. –

* Уже после завершения первого варианта статьи из воспоминаний Яноша Корнаи [2, с. 223–226] я узнал, что близкое к моему предложение, обычное для западных научных работников, он еще в 1967 г. безуспешно предлагал Институту экономики Венгерской академии наук.

С. 59–79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-usloviya-razvitiya-rossiyskoy-ekonomiki-v-1999-2016-gody/pdf> (дата обращения: 18.05.2022).

10. Ханин Г.И. Альтернативная оценка модели Альтмана для группы Газпром за 2016 год: факты и гипотезы // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 17–26.

11. Ханин Г.И. Российские промышленные компании и кредиторы в плену лукавых цифр (на примере компании Роснефть): факты и гипотезы // Вопросы регулирования экономики. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 16–27.

Благодарность

Выражаю сердечную благодарность Владиславу Леонидовичу Иноземцеву, Владимиру Ильичу Клисторину и Дмитрию Александровичу Фомину за ценные советы, высказанные при обсуждении первого варианта статьи.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021.

Статья прошла рецензирование 22.10.2021.

IS IT STILL POSSIBLE TO SAVE RUSSIAN ECONOMIC SCIENCE AND EDUCATION?

Khanin, Grigory,

Dr. of Sc. (Economics), Professor,

Leading Researcher of the Siberian Institute of Management –

the branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

6 Nizhegorodskaya Street, Novosibirsk, 630102, Russian Federation

AuthorID (RSCI): 143335

SPIN-code (RSCI): 6196-5996

khaning@yandex.ru

Abstract

The article shows the causes and consequences of the deplorable state of the Russian economic science and higher economic education. They are rooted, first of all, in the persecution to which economics was subjected in Soviet times, especially during the Stalinist period. As a result, it lost the most talented scientists. There was no need for good economists in the command economy, so higher economic education had low prestige. In the post-Soviet period, due to the transition to a market economy, the need for economists to work in government institutions and commercial structures increased. However, it turned out that the current system of higher economic education is unable to satisfy it. The author shows negative consequences of a low level of economic education for solving national economic problems and managing companies. The low level of economic science did not allow economists to justify an effective transition to a market economy, taking into account the peculiarities of the Soviet economy and Russian history. In the post-Soviet period, the political leadership focused only on economists loyal to the government, without taking into account their professionalism.

The author proposes the ways of improving the quality of economic science and higher economic education. The emphasis is on a sharp reduction in the number of researchers and teaching staff (and a reduction in the number of students), with a simultaneous significant increase in the remuneration of researchers and teachers basing on objective criteria for evaluating their activities. This will allow democratizing the management of universities and scientific institutions, abolishing bureaucratic control over their activities.

Keywords: Soviet economic science, Soviet economic higher education, Russian economic science, Russian economic higher education, methods of evaluating the activities of researchers.

Bibliographic description for citation:

Khanin G. Is It Still Possible to Save Russian Economic Science and Education? *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 131–148. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-131-148.

References

1. Golubkov D.Yu. *Osobennosti korporativnogo upravleniya v Rossii: investitsionnyi krizis i praktika offshornykh operatsii* [Features of corporate governance in Russia: Investment crisis and offshore practice of operations]. Moscow, Al'pina Publ., 1999. 263 p.
2. Kornai J. *Siloi mysli. Neordinarnye vospominaniya ob odnom intellektual'nom puteshestvii* [By force of thought: irregular memoirs of an intellectual journey]. Moscow, Logos Publ., 2008. 446 p. (In Russian).
3. *Rossiiskii statisticheskiy ezhegodnik, 2003* [Russian Statistical Yearbook. 2003]. Moscow, Goskomstat Rossii Publ., 2003. 705 p.
4. Suslov V.I., ed. *Rossiya v zerkale mezhdunarodnykh reitingov* [Russia in the mirror of international ratings]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2019. 171 p.
5. Seligman B.B. *Main currents in modern economics: economic thought since 1870*. New York, Free Press of Glencoe, 1963 (Russ. ed.: Seligman B. *Osnovnye techeniya sovremennoi ekonomicheskoi mysli*. Moscow, Progress Publ., 1968. 602 p.).
6. Soros G. *Sovetskaya sistema: k otkrytomu obshchestvu* [Soviet system: towards an open society]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 220 p. (In Russian).
7. Fomin D. Vosproizvodstvo osnovnogo kapitala v postsovetskii period [Reproduction of fixed capital in the post-Soviet period]. *Ekonomist = Economist*, 2016, no. 6, pp. 35–40.
8. Khanin G.I. Na chem spotykaetsya? Pochemu probuksovyvaet sovetskaya nauka? [What is he tripping on? Why is Soviet science stalling?]. *Postizhenie: Sotsiologiya. Sotsial'naya politika. Ekonomicheskaya reforma* [Achievement: Sociology. Social politics. Economic reform]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 140–168.
9. Khanin G.I. Institutsional'nye usloviya razvitiya rossiiskoi ekonomiki v 1999–2016 gody [Institutional Conditions for the Development of the Russian Economy in 1999–2016]. *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 59–79. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-usloviya-razvitiya-rossiyskoy-ekonomiki-v-1999-2016-gody/pdf> (accessed 18.05.2022).
10. Khanin G.I. Al'ternativnaya otsenka modeli Al'tmana dlya gruppy Gazprom za 2016 god: fakty i gipotezy [Alternative assessment of the Altman model for the Gazprom Group for 2016: facts and hypotheses]. *Terra Economicus*, 2018, V. 16, № 2. P. 17–26. (In Russian).
11. Khanin G.I. Rossiiskie promyshlennye kompanii i kreditory v plenu lukavykh tsifr (na primere kompanii Rosneft'): fakty i gipotezy [Russian industrial companies and creditors: in the prison of sly figures (on the example of Rosneft)]. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 16–27.

Gratitude

I express my heartfelt gratitude to Vladislav Leonidovich Inozemtsev, Vladimir Ilyich Klistorin and Dmitry Alexandrovich Fomin for valuable advice expressed during the discussion of the first version of the article.

The article was received on 18.09.2021.

The article was reviewed on 22.10.2021.